

«ЧИСТЫЙ МЁД»

«Убью, суку!» - раздалось над головой кружководы Сереги. Он поднял глаза вверх. Перед ним стоял дядя Паша, чудесный мужик, мастер на все руки. И именно в этих руках он держал охотничью двухстволку.

Как и многие работники хоздвора, он жил недалеко от пионерского лагеря в деревеньке Капань, где и работал вместе с женой Тамарой Прокофьевной, нашей сестрой-хозяйкой. Некоторое время их сын отдыхал здесь же в качестве пионера. Помнится, мы были в одном отряде, хотя он был по-старше.

Как это обычно бывает, дядя Паша был мужиком сухим, жилистым, по-крестьянски деловитым. Не было такой работы, которую он не смог бы сделать быстро и качественно. Его дом в деревне стоял с краю, недалеко от тропинки, что вела от станции в сторону нашего лагеря. У него не было покосившегося забора, прохудившейся крыши или худосочного стога на дворе. Все было добротно выправлено, покрашено, заготовлено и прибрано. Да и сам он в свои пятьдесят с небольшим еще сохранил бодрость и подвижность.

На дворе ревела корова, повизгивал кабанчик. Перед домом, разбрасывая землю желтыми сухими лапами, кичливо расхаживали куры, выискивая зерна и жучков-червячков.

Но истиной хозяйкой была все же Тамара Прокофьевна.

Всего в ней было несколько с избытком. Рослая, фигуристая, с крепкими плечами и руками, она была не-

пререкаемым авторитетом для любого, с кем приходилось общаться. А для кого она не становилась авторитетом, того рядом с ней больше не видели. Своего мужа она была габаритней примерно втрое, но это не мешало им прожить долгую и, наверное, счастливую жизнь. Следуя классикам жанра, можно сказать, что остановиться на скаку Тамара Прокофьевна могла не коня, а минимум табун, а уж, что касается горящей избы, то не знаю, как на счет войти, а вот вынести она могла что угодно и сколько угодно. Даром что перед их домом постоянно висели свежевystищенные простыни и пододеяльники с чернильными печатями: «Пионерский лагерь «Звездочка», НИИТП».

Нрава Тамара была крутого, шутить не любила, вела себя строго, так, что приближаясь к ней, все выполняли команду «смирно» и переходили на строевой шаг, шлепая ногами по бетонному полу белого кирпичного склада, где она могла бы заставить маршировать кого угодно, хоть президента Америки! Белый медицинский халат дополнял образ женщины строгой и официальной.

Зато к детишкам она была лояльна. Не корила за разваленные тюки с грязным бельем во время банного дня, не жалела конфет и печенья, отсыпая их на очередной «Огонек». Иногда могла посинтментальничать наедине с собой, расчувствоваться на вечере поэзии или пионерском концерте, но немедля брала себя в руки, словно задерживала бронешторки на всех перескоках перед атакой.

Она была как линкор, как бронепоезд! Но дядя Паша как-то умудрялся управляться со всем этим своим «хозяйством». А тут!

Резко развернувшись, он забежал на тесную лестницу кирпичного склада, на втором этаже которого, привычно считала белье его супруга.

Через мгновение послышались два практически одновременно сделанных выстрела, приглушенные толстыми стенами склада.

«Ничего себе, пионерский лагерь!» - пронеслось в голове кружководы, впервые заступившего дежурным по кухне и разбиравшегося в бумажках на получение со склада овощей, крупы и мяса.

Из дверей склада появился начальник лагеря с двустволкой на плече, тащивший рыдавшего белугой дядю Пашу. От ружья тянуло пороховым дымком и свежей смазкой.

- Она ж сказала, что не любит меня больше! Она ж грозила полюбовника себе завести! - размазывая слезы по лицу, плакался взрослый мужик, как в последний час своей непростой и нехитрой жизни, повиснув на руке начальника.

- Серега, принеси пассатижи! Гильзы раздуло, не выходят – обронил начальник, проходя мимо кружководы. И поправив сползающий ремень ружья, поволок анашкинского Отелло к себе в дом на «процедуры».

Кружок «Мягкая игрушка» пользовался в пионерском лагере небывалой популярностью. Кого только здесь не шили – медвежат, лисичек, чебурашек с крокодилом Геной! Перед началом летней оздоровительной кампании закупалось несколько мешков отходов текстильных фабрик с лоскутками ткани, кожи, поролон и еще разных пуговиц, крючков и прочей ерунды, которая в детских руках превращалась в чудеснейшие игрушки.

Привлекательным также было еще и то, что многие игрушки в конце смены отдавали детям, их сшившим на память, а некоторые отправляли на выставку и даже во Дворец пионеров и школьников на Ленинских горах.

Мой приятель по отряду Мишка Чибисов, зайдя в наш авиаракетный кружок, послонялся полчаса без эн-

тузиазма и тихонечко переметнулся в «Мягкую игрушку», где стал, надо сказать без лишней скромности, просто звездой. Он шил лучше всех, быстрее всех и самые трудные игрушки. Он шил всегда – в перерыве футбольной встречи, на танцах, во время демонстрации фильма в клубе, в столовой в ожидании второго блюда. Мешочек с рукоделием был всегда при нем. Многие девчонки с завистью смотрели, как то, что они делали за целую смену, Мишка делал за два-три дня. Наверное, он мог бы делать еще больше, если бы не одно – у кружка не было своего постоянного места. Они размещались на выставленных на улице столах, да закуток малый под мешки с лоскутами был в библиотеке, откуда их постоянно таскали по всему лагерю. Поэтому Мишка шил свои игрушки где приходилось и когда было можно.

В это лето случилось чудо. Рядом с клубом построили летнюю веранду, которую немедля мы приспособили под борцовский зал. Но, миновали военные будни пионерской «Зарницы», пришло мирное время, и над верандой торжественно приколотили щит с названием: «Кружок «Мягкая игрушка»». В кружок затащили уже известные столы с лавками и началась работа. Оставалась одна проблема – на веранде с окнами не было дверей!

Сидя на ступеньках своего «трюма» художник Федосини беседовал со старшим вожатым.

- Вот, Типа, а ты знаешь, что такое мастерство? Вот у меня дед был – он, правда, не по художественному делу, он плотник был, - так он мог спичку вертикально топором на четыре части распустить. Вот это мастерство! Или вот, например, знаешь как нарисовать акварелью кисть красной смородины так, чтоб через ягодку на просвет зернышки проглядывали? Не знаешь, вот! А я вот хочу попробовать!

К взрослым приблизилась группа сорванцов. Впе-

реди стоял Женька Мурашов в футболке, на груди которой отчаянный ковбой на лошади целился из кольта прямо вам в глаз. Не менее грозная композиция располагалась и на спине – суровый индеец в головном уборе из перьев, носом с горбинкой и томагавком грозно вопрошал: «А что ты сделал для своего племени?»

- Сереж, - обратились сорванцы к художнику, - А можно нам на футболки таких же ковбойцев и индейцев нарисовать? Ну, пусть не цветными красками, а через трафарет?

Протерев очки большим и мятым носовым платком, спрятав в песнярские усы хитрую усмешку, художник ответил:

-А я то вам зачем? Берете кальку, снимаете копию и наносите на ватман. Режете трафарет и наносите краску тампоном. А я здесь совершенно не у дел. К тому же, у меня еще уголки в трех отрядах не оформлены. Ну что, кальку давать? – и он засунул голые ноги в кеды со смятыми пятками, готовясь встать.

Получив, что было надо, стайка мальчишек попылила в сторону кружка «Мягкая игрушка», где расположившись на столах, начала свою кропотливую работу.

-Эх, - вздохнул художник, глядя на дверной проем веранды как на беззубый рот – двери так и не повесили!

Дядя Паша пил три дня. Напрасно его убеждали, что его несравненную Тамару Прокофьевну не то что охмурить, но даже приблизиться к ней смельчака в ближайшей округе вряд ли отыщешь. Мужик был в горе, и горе это было безутешно. Начальнику лагеря не было жаль спирта, но хандра не проходила, и с этим надо было что-то делать.

- Хорош пить, дядь Паша! – сказал начальник – Ты так весь стратегический запас израсходуешь! Пора возвращаться к делам. Пошел бы лучше двери на веранде повесил бы. А то стоит недоделанная. Не порядок!

- Она меня не любит... - промычал тот в ответ – Она полюбовника хочет найти... Убью!

- Вот ты человек или нет? Вот ты меня слышишь, или я с птицами тут разговариваю? Орнитолог, знаешь ли! – взвился начальник – Короче, или ты идешь вешать двери, или идешь отсюда до самой до своей Капани и больше тут не появляешься! Хорош!

Начальник резко встал и вышел из комнаты, давая понять, что приговор окончательный, обжалованию и доливу после отстоя пены не подлежит.

Взяв ящик с инструментом, нетвердой походкой, дядя Паша пошел через хоздвор, через футбольное поле к постылой веранде.

- Ну, наконец-то, - в сердцах сказал художник, наблюдая, как не совсем трезвый работник лагеря возится с дверной коробкой, принаравливая ее в проем. Обычно ловкий и быстрый дядя Паша крутил ее вязко и неуверенно, словно думая о чем-то другом. Словно в этом мире оказался проездом, а задание ему не объяснили.

Пионеры разошлись по корпусам, чтобы не мешать строительным работам. Кружковод тоже нашла повод покинуть опустевшую веранду. И только дядя Паша, сопя себе под нос: «Она меня не любит, она полюбовника хочет найти...» - колдовал над входными дверями. Не замечая стараний плотника, на столе разложив кальку и тщательно вырисовывая фрагмент за фрагментом, трудились над трафаретом пацаны, все пытаясь договориться, кому первому будут трафаретить майку. Очередь образовалась порядочная, поэтому для порядка составили список, с которым ходил тщедушный очкарик, мусоля химический карандаш и вытирая испачканные чернилами губы.

Время шло, ничего не происходило. Протрубили обед. А дядя Паша все возился со своими дверями.

Потеряв интерес к строительным работам, худож-

ник помахал идущему по футбольному полю физруку, который нес из банно-прачечного комбината только что постиранную и отглаженную спортивную форму – белые трусы и майки.

- А что, Парамоня, не слабо нам спортивную форму сделать как у профессионалов? – как обычно неспешно растягивая слова, с придыханием могучего тела сказал художник.

- Ну, что б с фирменным знаком «Адидаас», надписью на спине: «Горди Хоу» - логотипом «Звездочка», или что –нибудь в таком роде! А то у нас кроме динамовского свитера для вратаря, да футболок с синим ромбиком и нет ничего – не интересно!

- А-а-а, что – несколько заикаясь ответил невысокий Парамошин, кладя две стопки трусов и маек на стол перед ступенями обиталища художника. – Нам как раз в «Дружбу» идти на-а-а товарищеские встречи после полдника. Только фамилии по спине писать не н-н-надо – у меня всего два комплекта формы на весь лагерь. А вот надпись «Звездочка» не п-п-помешает! У-у-успеешь до полдника?

- Да тебе ничего сказать нельзя, ты сразу за горло берешь! Сколько у тебя тут – 10 и 10? Или больше? Я что комбинат имени Щербакова, что б промышленное производство открывать? – дергая усом, философски размышлял художник. - Я ж не раковина Фурамини-фер, что б прокуковать и рожки в домик. Но и времени в обрез! Один комплект успею, а два – перебор.

- Н-н-н-нужно два! Для мальчиков и для девочек – они в волейбол будут играть. Если надо бойцов подогнать, я договорюсь! – продолжал физрук, чуя, что неожиданно-негаданно подфартило ему сегодня. Есть возможность отличиться!

- Не надо мне ни кого! – уже серьезнее сказал художник и посмотрел поверх елей. Светило солнце, дети

возвращались из столовой после обеда. На столе у веранды пацаны резали трафареты, а на крыльце бурча что-то себе под нос, сопя и обливаясь потом, возился с дверями дядя Паша.

- Ну, как знаешь. В общем, я после полдника вывожу детей в «Дружбу». У тебя три часа. – не то сказал, не то хихикнул физрук и пошел в сторону корпусов младших отрядов.

«И кто тянул за язык?» - словно затрещина по уху пронеслось в мозгу. Однако, надо было что-то делать.

- Эй, юноши! Подойдите-ка сюда!- обратился он к молодым дарованиям, остервенело тыкающим губками с нитрокраской в дыры трафарета. – Покажите, что там у вас получилось!

С маек, что он взял из протянутых ребячьих рук, на него смотрели персонажи из фильмов ужасов – одноголазый индеец с проваленным носом и разнесенным пополам черепом, и кентавр в шляпе с кольцом вместо носа. Что поделать, если перемычки на трафарете были определены неверно, краска взята жирно, а стремление по-быстрее заполучить шедевр на свой предмет гардероба мешал просушиванию мокрых трафаретов, отчего все смешалось, склеилось и превратилось в большое пятно.

Художник в лагере – это всегда что-то мистическое! Примерно также как мельник, водящий дружбу с нечистью, или бармен, жонглирующий цветными бутылками, собирая для вас неведомый коктейль после которого либо выпадешь в осадок, либо вознесешься на небеса! Кто ж из нас не мечтал стать художником? Что б кисти торчали из банки, что б пахло скипидаром и масляными красками. Что б среди подрамников и мольбертов стоял холст с портретом той единственной, которую можешь писать всю жизнь, но так и не достигнешь совершенства...

- Отложите-ка на время личные заботы, поработайте на общество! – произнес он, доставая лист ватмана, которому предстояло стать трафаретом будущей спортивной формы пионерского лагеря «Звездочка». – Слушайте внимательно и без меня ни чего не делайте!

На улицу с веранды были вынесены все столы и лавки. На них разложили ровными рядами майки и трусы. За полчаса были изготовлены эскизы и вырезаны трафареты. Порезанный на кубики поролон роздан в юные руки, а нитрокраска разлита в крышки из-под консервов. Работа закипела!

Такой организации труда позавидовал бы сам Генри Форд, сотворивший первый конвейер! Все было привлечено к работе, и даже солнце, вносящее свой вклад в подсушивание краски и приданию ей солнечного отблеска.

Завершающим штрихом на спортивной форме стал шильдик с надписью: «C&FCo», - что означало фирменный логотип вновь созданной личной артели художника под названием: «Кальсон энд Френч корпорейшн» - или «Бригада по производству нижнего спортивного белья».

Хлопая глазами за модной оправой, физрук дивился на спортивную форму украшенную надписью «Звездочка» в языках пламени, знаком модной спортивной фирмы в виде трех лепестков, процарапанных трехпалой лапой Пендикулятора и иностранным шильдиком.

-Ну, ты дал, Григорьич! – восхищался физрук - «Д-д-дружба» капитулирует до начала матча! Ну, с меня причитается! Грибы с картошкой и пионЭрская тЭматика! – и торопливо собрав все в здоровенную сумку из кожаменителя с надписью СССР, посеял к центральной линейке.

- Ладно, юноши, благодарю за службу! Заходите завтра, я вам сделаю трафарет с индейцем, в качестве

поощрения! – впервые с начала бешеной работы выдохнул художник. Видно было, что он удовлетворен реакцией физрука. Да и самому ему понравилось то, что получилось из обычных белых трусов с футболками. Все же, честь и лицо пионерского лагеря – это вам не хухры-мухры! Подошел старший вожатый. Все время, пока физрук кряхтел и цокал языком, рассматривая спортивную форму, он стоял в стороне и наблюдал. И вот теперь подошел, чтобы тоже высказать товарищу свое восхищение.

- Да, Григорьич! И как тебя это угораздило так Парамоне подсобить! Ты смотри, он аж светится. Побежал голы «Дружбе» забивать!- как обычно эмоционально и восторженно начал старший вожатый, прядая черной шевелюрой и вращая черными как у Демона глазами.- Ты просто Дольче и Габбана в одном лице, Гуччи, какой-то! Перешел от пионерских стендов на шедевры высокой моды? – продолжил он на одном дыхании.

Немного усталый, но довольный художник, вытер пот с лица и, хитро улыбнувшись, повел старшего к веранде.

- Я-то что, у меня кооператив по нижнему белью, а шедевры, шедевр – это вот! – показал он на дядю Пашу, заканчивающего установку дверей веранды.

Пообедав, тот догнался где-то на хоздворе, и пришел заканчивать свой бессмертный труд. Но видимо под летним солнышком ему стало совсем худо, поскольку то, что должно называться дверями на эти самые двери было не похоже ни на йоту.

Взору вожатого и художника предстала следующая картина.

В дверном проеме веранды стояла установленная сразу в трех плоскостях дверная коробка, в которой на одной петле висела дверь, стоявшая перпендикулярно. Описать, да даже представить себе, как эта конструк-

ция может работать, хотя бы теоретически, не представляется возможным.

В пяти метрах от конструкции, поставив руки в боки стоял дядя Паша, сильно раскачиваясь и смотрел на творенье рук своих как Леонардо да Винчи на Джаконду.

- Шедевр! – с улыбкой умиления и удовлетворенья прошамкал он не совсем трезво. – Как есть, чистый мед!

Солнышко, готовясь к летнему вечеру, отпустило последние в этот день жаркие лучики, отчего дяде Паше стало совсем нехорошо. Он закачался, но выстоял, и, дабы не испытывать провидение и дальше, не взяв как обычно своего ящика с инструментом, удалился на хоздвор, бубня под нос:

- Чистый мед, как есть чистый мед!

Друзья гоготнули ему вслед и разошлись по своим делам.

Демонстрация новой спортивной формы прошла на ура. «Звездочка» победила по всем дисциплинам – и в футбол, и в волейбол. Ребята из «Дружбы» уже в который раз с завистью смотрели на очередную выходку «Звездочки», теперь на ее спортивную форму – настоящую «фирму» со знаком «Адидас». И где только они умудряются такое доставать? А денег-то поди стоит немалая? Вот это организация, вот это спонсоры!

Парамония весь светился, гордый за своих спортсменов, но еще большую гордость он испытывал за форму, и за то, что сумел подсунуть лишних четыре футболки, одна из которых украшала его небольшое, но спортивное тельце.

Не радовался в этот вечер только начальник лагеря, зашедший посмотреть на новые двери веранды.

- И кто это только сделал! Елки-мotalки! – орал он на работников хоздвора. – Где этот Паша? Я сам его застрелю за такую работу из его же ружья!

А дядя Паша, закончил вечер в компании истопни-

ка, и ему было очень хорошо и тепло на топчане в кочегарке.

Над бассейном Бучило верхушки корабельных сосен окрасили первые отблески рассвета. Мелкая рябь пробежала по водной глади и, оттолкнувшись от бортика, выплеснулась на песчаный берег пляжа. Художник сидел на ступеньках своего «трюма» - каморки для переодевания в клубе, которую он пристроил для проживания, рисования и еще тысячи нужных в пионерском лагере функций. До подъема оставалось несколько минут, и вожатые на футбольном поле уже заканчивали планерку, готовились разойтись по корпусам.

- Серег, а это кто тут забуздякал такое чудо? – услышал он низкий хрипатый голос у себя над ухом. Из-за угла кино-концертного зала «Лесная тишина» вышел трезвый дядя Паша и с интересом рассматривал установленные им вчера двери.

- Здорово, дядь Паш! Кто-кто, ты сам и установил! – отозвался художник.

-Мать моя женщина!- в сердцах охнул мужик и побежал исправлять свои огрехи.

Подошел старший вожатый. Они закурили, пока не проснулись дети.

- Что Паша, переживает? – спросил он.

-Ну, да! Вон, чистый мед свой переделывает! – невесело хмыкнул лохматый художник.

Не прошло и четверти часа, как двери стояли как нарисованные. Ключик в замочке нежно щелкал, а двери открывались и закрывались без скрипа и шороха.

- Дядь Паш, - обратился художник – А ты спичку топором на четыре части распустить можешь?

- Ставь! - откликнулся тот, складывая инструмент в ящик. И махнув походя топором, побежал докладывать начальнику, что работа выполнена.

А знаешь, Типа! Напишу-ка я акварель. Кисть красной смородины с веточкой. И что б семечки сквозь шкурку на свету проглядывали, и назову ее «Чистый мед». Как одобряешь?

Они сделали еще по затяжке и разбредись по своим делам. Вожатый Юра Требухин с рыжим Сашкой Фалеевым, воспитанником детского дома им. Вучетича, выводили в два горна сигнал «подъем». А на заборе бассейна досушивались белые халаты из изолятора на грудном кармане которых красовались надписи «Пилюлькин» и «Клизматрон».